

ский материал не дает оснований полагать, что он являлся предметом культа»⁷⁹. То же утверждал Нильсон и совсем недавно — Г. Кеншерпер⁸⁰.

Однако картина, вырисовывающаяся в результате сопоставления данных мифологической традиции и культовой обрядности греков более поздней поры (вместе с итогами археологических исследований), объективно свидетельствует против высказанного указанными учеными мнения. «Современная стадия исследования греческой религии все еще остается областью возможного, или же, в тех случаях, когда исследователя ожидают наибольшие удачи — областью правдоподобного», — писал Пикар⁸¹. Окончательное решение вопроса будет зависеть от успеха дешифровки текстов линейного письма А.

Н. М. БОТВИННИК

ПЕРСИДСКИЕ ПОСОЛЬСТВА К АЛЕКСАНДРУ МАКЕДОНСКОМУ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ «РОМАНА ОБ АЛЕКСАНДРЕ»

Недавно установленная новая самостоятельная редакция популярного античного романа об Александре, приписываемого Каллисфену (редакция —ε—), издана Юргеном Трумпфом в 1975 году¹. Источники этой версии — более ранние редакции —α— и —β—. К новой редакции в свою очередь восходят редакция —γ— и среднегреческие переделки романа². Редакция —ε— фантастической биографии Александра Македонского во многом отличается от своих предшественниц. Меняется последовательность эпизодов, появляются новые; в

⁷⁹ Указ. соч., с. 291.

⁸⁰ Указ. соч., с. 40. Подчеркивая, что все исследователи отрицают культ божественного быка на Крите, Кеншерпер тут же, противореча себе, замечает: «Die Verehrung von Doppelaxt und Stier keineswegs auf Kreta beschränkt war, sondern in Vorderasien, im Iran und Afrika formale Parallele hat...» О связях культа Минойского быка с соответствующими культурами в Малой Азии см.: Dietrich B. C. The Origins of Greek religion, В.—N.—Y., 1973.

⁸¹ Указ. соч., с. 6—7.

¹ Anonymi Bysantini. Vita Alexandri Magni regis Macedonum, ed. Trumpf I., Stutg., 1975.

² Там же, с. I—XXIII.

ряде мест автор редакции — ϵ —, даже описывая события близко к тексту редакции — α — и — β —, предлагает собственное объяснение поступков героев, не мотивированных или иначе мотивированных в предшествующих редакциях. Заметно усиливаются фольклорные мотивы; в целом новая редакция романа все больше приближается к греческой народной книге³. Своеобразие новой редакции заметно на протяжении всего повествования, почти в любой его части. Попытаемся показать эти новые черты романа на примере одного из его эпизодов, где рассказывается о начале войны между Александром и Дарием (§ 10).

После смерти Филиппа и провозглашения юноши Александра македонским царем, Дарий отправил в Македонию посланцев с письмом, в котором требовал у Александра ежегодную дань. Александр не только не поклонился грамотам Дария, как этого ждали послы, но даже не вышел к ним навстречу, а вместо себя послал Антиоха, «отрока тринадцати лет», который нес в руках его копье. Антиох потребовал: «упавшиц, поклонитесь копью Александра. Если это вам не по нраву, Александр погубит вас смертью» (§ 10, 1). Послы вынуждены были подчиниться: они поклонились копью и поцеловали ноги Антиоха. Только после этого их привели к Александру. Прочитав письмо Дария с требованием дани, Александр разорвал его на глазах у послов и бросил на пол, говоря: «Идите и скажите Дарию, вашему богу, пусть готовится к войне. Если он не медля не смягчит дарами написанное им в незнании, пусть запомнит Дарий, что пока царствует Александр, македоняне не будут платить дань» (§ 10, 4).

Узнав об этом, Дарий посылает к Александру других послов. Персидский царь дает им с собой бич, волчок и два пустых ящика и велит передать следующее: «Взяв плеть и волчок, играй с детьми македонскими. А в два ящика положи ежегодную дань и поскорей отправь» (§10, 5).

Александр взял бич и волчок, истолковав эти дары, как доброе для себя предзнаменование: шарообразный волчок предсказывает ему господство над всей землей, ведь вселенная (*κοσμος*) изображается шарообразной. «Плеть же — это бич, которым надлежит владеть именно господину, чтобы сечь

³ *Богвицник Н. М.* Египетский фараон Нектанеб в новой редакции «Романа об Александре». — XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 42—43.

рабов»⁴. В греческом оригинале при передаче этой сцены возникает игра слов; так же как и русские слова «бич» и «бить», греческие *μαστιξ* и *μαστιγωω* восходят к одному корню. Автор решил, по-видимому, таким образом обыграть «остроумие» ответа Александра.

Относительно пустых ящиков Александр спросил послов: «Как вы осмелились принести ко мне ящики? Пусть царь Дарий получит ответ и на этот дар. «Вот скоро приду искать тебя и подвергну испытанию македонскому, чтобы знал, как противоречить Александру».

Таким образом, в нашей редакции имеется рассказ о двух посольствах: 1. Первые послы приносят письмо Дария с требованием дани и, вынужденные поклониться копью Александра, уходят, получив отказ. 2. Другие послы приносят Александру символические подарки от Дария, и Александр по-своему истолковывает значение принесенных даров.

Не так выглядит этот рассказ в ранних редакциях — α — и β -. В этих версиях посольство только одно, эпизод с послами, вынужденными поклониться копью, вообще отсутствует; есть и другие отличия. Так, о посольстве с символическими дарами говорится не после рассказа о воцарении Александра (как в ϵ -), а гораздо позднее, в разгар войны, после описания падения Тира ([Callisth.] 1, 36). Только тогда Александра, идущего с войском, встречают послы Дария с письмом и дарами. В ранних редакциях α - и β - эти дары — плеть, мяч и ящик с золотом (чтобы Александр мог расплатиться со своими воинами, как объясняет в письме Дарий).

В отличие от редакций α - и β -, в редакции ϵ - послы Дария приходят к Александру в Пеллу, а не встречают его, уже выступившего в поход в Сирию. Требование Дария прислать дань и его оскорбительные дары для автора версии ϵ - причина войны, и поэтому третий дар, упомянутый в редакции α -, сундук с золотом для расплаты с воинами, он заменил пустыми сундуками, которые Александр должен заполнить данью. Остается еще отметить, что в редакциях α - и β - значительно раньше, при описании детства Александра, есть такой эпизод: Александр, придя к Филиппу, застаёт у него сатрапов Дария, пришедших за данью. Александр прогоняет их, говоря: «Когда Филипп был один, он платил дань. Когда родился Алек-

⁴ Το δε φραγγέλιον τούτο μαστιξ ἐστὶν οὐχὶ ἀλλῶν τινῶν εἰ μὴ βεσλοῦτος πρὸς οἰχέτας (§ 10, 6). φραγγέλιον — позднегреческое слово, восходящее к латинскому *fragellum*.

сандр, он перестал давать ее. А я еще приду и заберу то, что было дано» ([Callisth.] 1, 20).

Таким образом, по сравнению с редакциями -α- и -β- редактор нашей версии -ε- изменил текст следующим образом: опустил эпизод прихода послов к Филиппу за данью в начале романа, затем совершенно изменил его, прибавив поклонение копью Александра и не сохранив в нем ничего, кроме требования дани — поместил его непосредственно перед посольством с дарами, соединив рассказы об этих посольствах Дария словами, которых нет в редакциях -α- и -β-: «Пусть Дарий смягчит свое, написанное в незнании письмо дарами» (§ 10, 4). Как бы в ответ на эту фразу Дарий посылает ему издевательские дары. Александр отвечает истолкованием даров в благоприятном для себя смысле: «мяч — это вселенная, бич — господину для слуг, а в ответ на требование дани я пойду на тебя войной». Из-за соединения двух эпизодов (посольство с требованием дани и приход послов с дарами), а также введенного автором -ε- объяснения причины войны между Александром и Дарием ему, как мы уже видели, пришлось заменить ящик с золотом пустыми ящиками. Поэтому благоприятное для Александра истолкование этого дара, содержащееся в редакциях -α- и -β- (послав ящики с золотом, ты, Дарий, сам себе предрекаешь, что будешь платить мне дань) в новой редакции невозможно, и Александр дает только общий ответ, не обыгрывая характер подарка: «Ты мне — пустые ящики, а я тебе в ответ — войну». После этого «диалога» Александра и Дария начинается война.

Таким образом, перестановка и переделка эпизодов в редакции -ε- кажется сделанной вполне логично и сознательно.

Во-первых, не повисает в воздухе, как это было в ранних редакциях, отказ мальчика-Александра от уплаты дани и его угрозы персидскому царю. В новой редакции -ε- ответ на этот отказ — второе посольство Дария.

Во-вторых, присылка послов с дарами получает объяснение в словах Александра о смягчении дарами наглого письма Дария.

В результате изменения текста стал более выпуклым спор или даже состязание в остроумии двух противников, спор, в котором последнее слово остается за будущим победителем. Интересно отметить, что в среднегреческой переделке романа эта тема спора-состязания еще более усилена. Здесь Дарий присылает, кроме мяча, волчка, плети и пустых сундуков, еще два сундука, полных семенами горчицы, сравнивая число гор-

чичных зерен с числом своих воинов. В ответ на это Александр жует и выплевывает горчицу, а Дарию посылает едкий перец, говоря, что такова и сила македонцев⁵.

Надо заметить, что любопытный рассказ о том, как Александр приказывает поклониться своему копыю, существующий только в редакции -ε- «Романа об Александре» и в восходящей к ней редакции -γ-, возник, вероятно, под влиянием мифа о лапифе Кайнее, который был настолько дерзок, что приказал поклоняться своему копыю⁶. Миф был достаточно известен, о чем свидетельствует поговорка το Καίνεσθερον, которую вполне мог знать автор нашей редакции. Ее приводит поздний схолиаст, комментировавший «Аргонавтику» Аполлония Родосского⁷. Сравните также ст. 516 трагедии Эсхила «Семеро против Фив»: аркадец Партенопей клянется своим копьем, что разорит Фивы, а копые для него «превыше бога и дороже глаз». Похожий рассказ есть и у Плутарха⁸. Ферский тиран Александр объявил свое копые святыней, украсил его венками и приносил ему жертвы как богу. Какой-либо из этих или подобных ему рассказов вполне мог быть известен автору редакции -ε-. Ему настолько понравился добавленный им в повествование эпизод, что он повторил его еще раз в другом месте. Когда Александр подошел к городу амазонок, те направили к нему посольство с данью, дарами и письмом, в котором просили прислать изображение Александра, чтобы ему поклоняться. В ответ на это Александр отослал им свое копые, говоря: «Это вместо Александра пусть будет вам» (§ 38, 1—4). Для художественного метода нашего автора вообще характерно повторение тех эпизодов, которые добавил он сам.

Особенность традиции античного романа об Александре связана с большим количеством разных редакций этого произведения, популярность которого в средние века уступала только Библии. Редакторы и переписчики в разное время произвольно сокращали и расширяли повествование. В результа-

⁵ Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Приложение: Александрия по рукописи Венской библиотеки. Lambecius, Cod. theol. CCXVII, Nessel, CCXLIV, с. 21. Сб. стд. рус. яз. и словесности Имп. А. Н., т. 40. Спб., 1886; *Истрин Н. М.* История сербской Александрии в русской литературе, вып. 1. Βίος 'Αλεξάνδρου. Одесса, 1909, гл. 25, с. 24—26.

⁶ Schol. in Il. I, 264. То же: Acusilaus Oxyrh. Pap. XIII, 1611, fr. 1. F Gr. H I, 53.

⁷ Schol. in Ap. Rhod. I, 57.

⁸ Plut. Pelop. 29.

те некоторые редакции. (в частности; разбираемая здесь) очень далеки от первоначального текста.

Введение автором редакции -е- эпизода о поклонении копью Александра и его переделка рассказа о символических дарах царя Дария показывают, что эта редакция не была механической контаминацией различных источников, а представляет собой самостоятельную переработку сюжета в духе поэтики фольклорного повествования.

И. А. ДВОРЕЦКАЯ

ПАВЕЛ ВАРНЕФРИД КАК ИСТОРИК И ЭТНОГРАФ
(К вопросу о влиянии позднеримской культуры
на мировоззрение писателя)

Творчество лангобардского писателя Павла Варнефрида (Павла Диакона) изучается в истории позднелатинской литературы около столетия. По немногим известным науке фактам реконструирована биография ученого, изданы и прокомментированы его труды, в отдельных частных исследованиях выявлены эпический элемент и источники исторических сочинений¹. Результатом источниковедческой критики явилась весьма противоречивая оценка Павла Диакона как историка. С одной стороны, его сочинения служат основным материалом к изучению политических событий в Италии V—VIII в., восполняя пробелы византийской историографии. С другой стороны, историки отмечают неосведомленность автора, нео-

¹ Ф. Дан поставил вопрос о соединении в исторических повествованиях Павла Диакона саги с подлинной историей (*Dahn F. Germanische Studien. Sechste Reihe. Berlin, 1884, s. 123—150*). Т. Моммзен высоко ценил литературный талант Павла Диакона, по стилю и характеру обработки источников предпочитая его Григорию Турскому и защищая от обвинений Вайтца в склонности к компиляции (*Mommsen Th. Die Quellen der Langobardengeschichte des Paulus Diaconus. In: Gesammelte Schriften. Berlin, 1910, B. VI, s. 485—539*). Литературную деятельность историка изучали К. Нефф, М. Манициус (*Manitius M. Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters. B. I. München, 1965, s. 257—272*). Р. Джачинто проанализировал источники «*Historia Langobardorum*» (*Giacinto R. Storia politica d'Italia. Le dominazioni barbariche in Italia (395—1024). Milano, 1909*). Современная итальянская историография продолжает это направление, проявляя интерес к различным аспектам личности Павла Диакона (*Sestan E. Qualche aspetto della personalità di Paolo Diacono nella sua «Historia Romana». Italia Medievale. Napoli, 1967, p. 50—75; Bognetti G. Processo logico e integrazione delle fonti nella storiografia di Paolo Diacono. L'età Longobarda. III. Milano, 1967, p. 159—184*).